

ГУМАНИТАРНАЯ ТЕОРИЯ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ ПОИСКЕ

УДК 321.7

DOI 10.12737/13637

Консолидация «новых демократий» в условиях глобализации: проблемы и перспективы

Чепель Сергей Львович

Канд. ист. наук, доцент кафедры «Общая политология» Финансового университета

E-mail: ChepelSL@mpei.ru

Глобализация оказывает противоречивое воздействие на развитие политического процесса в странах «новой демократии», возникших в последней трети XX в. в ходе «третьей волны» демократизации. Создав благоприятные условия для перехода значительного числа стран мира от авторитарных и тоталитарных диктатур к демократии, глобализация в дальнейшем стала, в большинстве из них, препятствием на пути консолидации демократических режимов.

Экономическая, политическая и культурная глобализации способствовали увеличению числа демократических режимов за счет повышения среднего уровня жизни, усиления контроля международных институтов за соблюдением прав человека, распространения демократических ценностей в массовом сознании современными СМИ. Однако уже с середины 90-х гг. XX в. стали проявляться признаки спада демократической волны, выразившиеся в расширении доли так называемых нелиберальных демократий.

Курс правящих элит многих стран «новой демократии» на ограничение институционального предложения политической свободы продиктован необходимостью повышения конкурентоспособности включенных в глобальное разделение труда национальных экономик за счет минимизации внутренних социальных издержек. Неизбежный в этих условиях рост протестной политической активности может быть эффективно ограничен только средствами «демократии низкой интенсивности». Однако пребывание большей части стран «третьей волны» в состоянии нелиберальной демократии является, прежде всего, результатом низкого общественного спроса на политическую свободу, сформировавшегося во многом под воздействием процессов глобализации. Ограничив возможности выхода новых демократических стран за пределы экономической «периферии», глобализация заблокировала процесс расширения в них числа носителей ценностей самовыражения как убежденных сторонников либеральной демократии. Доминирование в общественном сознании стран «третьей волны» ценностей выживания, проявившееся в преобладании утилитарных мотивов поддержки демократических систем правления, способствовало распространению и укоренению в большинстве из них нелиберальной демократии.

Ключевые слова: «третья волна» демократизации, глобализация, глобальная экономика, консолидация демократии, нелиберальная демократия, страны «новой демократии», ценности выживания, ценности самовыражения.

Consolidation of «New Democracies» in a Globalised World: Problems and Perspectives

Chepel Sergey Lvovich

Ph.D (Historical Science), Associate Professor, Political Science Department, Finance University

E-mail: ChepelSL@mpei.ru

Globalization exerts contradictory impact on the political processes in the countries of «new democracy» which sprang up in the last decades of the XXth century in the course of «the third wave» democratization. Globalization created favorable conditions for the transition from authoritarian and totalitarian dictatorships towards democracy in many countries. But later on globalization turned into an obstacle in the way to the consolidation of democratic regimes.

Globalization in economic, political and cultural spheres contributed to the increase of the number of democratic regimes thanks to the following factors: rise in average standards of living, stricter control on the part of international organizations over human rights observance, mass media spreading of democratic values in mass conscience. However starting from the mid-nineties of the last century there appeared some signs of «the democratic wave» decline that was expressed in the rise of the share of the so-called «non-liberal democracies».

Many governments in the countries of «new democracy» pursue a policy of setting a limit to the institutional offer of political freedom. The ruling elites consider this type of policy to be essential so as to boost the competitiveness of their national economies, which are involved in the global division of labor, at the expense of minimization of domestic social costs. The rise of political protests which seem inevitable in these circumstances can be effectively curbed only by the means of «low-intense» democracy. However it should be stressed that coming up of «non-liberal democracy» in «the third wave» countries is the result of low public demand for political freedom that largely took shape in the process of globalization.

Globalization narrowed the possibilities of «new democracies» to pass the limits of the economic «periphery» and in this way it blocked the increase of the number of people who have self-expression values and who become the convinced adherents of liberal democracy. Values of survival prevail in mass conscience and for these reasons utilitarian motives predominate when it comes to giving support to the democratic system of government. As a result «non-liberal democracy» has spread and has taken root in most countries of «the third wave».

Keywords: globalization, global economy, «the third wave», democratization, non-liberal democracy, values of survival, values of self-expression, the countries of «new democracy», the consolidation of democracy.

Сущность и формы глобализации, характер воздействия глобальных структур и процессов на принятие решений национальными правительствами относятся к числу тех проблем, без осмысления которых невозможно выявить особенности функционирования современных политических систем. Несмотря на то, что понятие «глобализация» окончательно вошло в научный оборот только в 80-х гг. XX в., к настоящему времени уже сложилась разветвленная теория данного социального феномена, представленная различными школами. Полемика между гиперглобалистами, скептиками и трансформистами развернулась по таким вопросам, как масштабы, интенсивность, скорость распространения процессов глобализации и степень их влияния на внутреннюю социально-экономическую политику государств. С позиций «гиперглобалистов» глобализация означает движение к единому мировому рынку и транснационализацию сетей производства, торговли и финансов, что неизбежно влечет минимизацию роли национальных правительств в регулировании внутриэкономической деятельности и

международных экономических отношений. Противоположную позицию занимают «скептики», утверждающие, что эффект глобализации сильно преувеличен, а степень экономической взаимозависимости во второй половине XIX в., в период так называемого золотого стандарта, была значительно выше, чем в современном мире, следовательно, национальные правительства продолжают успешно контролировать экономическую ситуацию в своих странах и регулировать международную экономическую деятельность. По мнению же «трансформистов», глобализация, глубоко изменяя не только экономику, но также политику и культуру, вынуждает общества адаптироваться к новому мировому порядку, в котором нет больше четкого разделения социальных процессов на «внутренние» и «международные». При этом национальные правительства, оставаясь верховными носителями власти в рамках территориальных границ государств, действуют уже в иных, чем прежде, условиях, будучи скованными как более широкими международными обязательствами, так и более жесткими требованиями гло-

бальной рыночной экономической конъюнктуры. Последняя точка зрения, по-видимому, наиболее точно отражает современное содержание глобализации как качественно нового этапа развития человеческого сообщества, отмеченного беспрецедентно высоким уровнем пространственного распространения структур экономического, политического и культурного взаимодействия, интенсивности и скорости глобальных взаимосвязей. Влияние же процессов глобализации на сферу политики заключается в последовательной трансформации всего экономического, социального и культурного контекста, в котором осуществляется выработка политических курсов национальными правительствами. В связи с этим нельзя не согласиться с Д. Хелдом и его коллегами, когда они подчеркивают, что «...глобализация означает не столько "конец политики", сколько продолжение ее новыми средствами» [1, с. 527].

Однако воздействие глобализации на функционирование политических систем зрелых и молодых демократий существенно различается. Многие современные исследователи сходятся во мнении относительно того, что главным политическим последствием глобализации в странах «старой» демократии является рост разочарования деятельностью правящих элит при сохранении веры в значимость демократических процессов и интереса к политике. Дело в том, что в условиях, когда политическое регулирование все большего числа процессов переходит от национальных государств к наднациональным институтам, проблемой которых является отсутствие четких отношений подотчетности, в постиндустриальных обществах, отмеченных широким распространением ценностей самовыражения, растет ощущение дефицита демократического участия как способа политического влияния. В целом же данная проблема остается открытой для дальнейшего научного осмысления и поэтому заслуживает отдельного рассмотрения. Более противоречивое воздействие глобализация оказывает на развитие политического процесса в странах «новой демократии», возникших в последней трети XX в. в ходе «третьей волны» демократизации. Оценивая характер этого воздействия, можно предположить, что глобализация, первоначально способствовавшая переходу значительного числа стран от авторитаризма и тоталитаризма к демократии, в дальнейшем стала, в большинстве из них, препятствием на пути консолидации демократии.

Как известно, «третья волна» демократизации отличалась от предшествовавших демократических

«приливов» в полном смысле слова глобальным характером, последовательно охватив значительное число стран всех континентов. Эти беспрецедентные масштабы движения к демократии стали как результатом действия конкретных причин, так и следствием вступления человеческого сообщества в эпоху глобализации. «За распространением демократии, — констатирует Э. Гидденс, — стоит глобализация» [2, с. 21].

Действительно, экономическая глобализация, ускорившая интеграцию национальных экономик в общемировую систему разделения труда за счет либерализации товарных, финансовых, информационно-технологических потоков, расширила возможности для стран «третьей волны» активизировать свой промышленный рост и повысить средний уровень жизни в рамках стратегии стимулирования отраслей, ориентированных на выпуск экспортных товаров. А как свидетельствуют исторический опыт европейских государств и развивающихся стран, повышение среднедушевого дохода, закрепляющее относительное социальное благополучие, рост информированности и образовательного уровня населения действительно подпитывают интерес граждан к политике и демократическому политическому участию. Так, общепризнанным, хотя и критикуемым в науке, остается тезис С. Липсета о том, что «...чем богаче государство, тем выше вероятность того, что в нем будет поддерживаться демократия» [3, с. 46]. В своей книге «Политический человек: социальные основы политической жизни», опубликованной в 1960 г., С. Липсет выдвинул и обосновал гипотезу о том, что экономический рост на основе рыночных принципов, обеспечивающий массовое благосостояние, способствует возникновению и расширению средних слоев, которые со временем становятся главной антиавторитарной силой, а в дальнейшем социальной опорой либеральной демократии. Рыночный экономический рост дает возможность частному бизнесу и гражданскому обществу в целом обрести экономическую автономию от государства. В этих условиях государству волей-неволей придется все больше считаться с обладателями расширяющихся разнообразных ресурсов, ориентироваться на потребности общества, соблюдать его права. К тому же преодоление социально-политической нестабильности, по мере роста благосостояния общества, лишает диктатуры, прежде всего авторитарного типа, тех аргументов, которые ранее служили оправданием их господства. «Продолжительный

экономический успех, — подчеркивают Х. Линц и А. Степан, — может способствовать осознанию того, что исключительные принудительные меры недемократического режима более не являются необходимыми и могут, вероятно, подорвать устойчивость нового экономического процветания» [4, р. 78]. Тезис С. Липсета, в основном, нашел подтверждение в масштабном статистическом исследовании А. Пшеворского, М. Альвареса, Ч. Чейбуб и Ф. Лемонджи «Демократия и развитие: политические институты и благосостояние в мире, 1950–1990», вышедшем в 2000 г. В частности, в работе приведены данные о том, что в странах, где доход на душу населения не превышал 1000 долл., диктатуры стабильно существовали в неизменном виде. При среднедушевом доходе от 1001 до 4000 долл. диктатуры становились менее устойчивыми, что открывало возможность перехода к демократии. В диапазоне же 4001–7000 долл. демократии стабилизировались, приобретая признаки консолидированных. «Действительно, — констатируют авторы исследования, — независимо ни от чего, ни одна демократия не была ниспровергнута — ни в исследуемый нами период, ни до, ни после — в стране, где доход на душу населения был выше, чем в Аргентине 1975 г.: 6055 долл.» [5, с. 93–95]. Если обратиться к примерам поставторитарных стран Южной Европы, можно заметить, что их успешный переход к демократии произошел тогда, когда средний уровень доходов на душу населения приблизился к указанным авторами исследования показателям. Практика переходов к демократии в посткоммунистических странах Восточной Европы также подтвердила выявленную зависимость — стабилизация демократического порядка происходила быстрее в странах с более высоким среднедушевым доходом. Однако корреляция между экономическим развитием и переходом к демократии не носила прямого характера. Как подчеркивают А. Пшеворский и его коллеги, «...смысл не в том, что демократия с большей вероятностью возникает, когда страна с авторитарным правлением переживает экономический подъем, а в том, что демократия с большей вероятностью выживает в уже развитых странах — независимо от того, как эта демократия появилась» [5, с. 96]. Данный тезис важен в плане понимания противоречивого характера воздействия глобализации на развитие политических процессов в странах «новой демократии», так как позволяет объяснить культурные основания спроса на поли-

тическую свободу как условие консолидации демократического режима.

Свою роль в развитии «третьей волны» демократизации сыграл процесс политической глобализации, выразившийся, в частности, в формировании системы международных режимов как принципов, норм, правил и процедур принятия решений, в отношении которых ожидания участников мирового сообщества в той или иной сфере международной политики совпадают. Как известно, после окончания Второй мировой войны большинство государств признало общеобязательность международного режима прав человека, поддержав принятие Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 г. Всеобщей Декларации прав человека и ратифицировав в последующие десятилетия целый ряд соглашений и конвенций ООН по гражданским и политическим правам. Действие данного международного режима закрепило в международном праве положение о том, что законная и легитимная власть должна не только нести ответственность перед членами политического сообщества, представителем которого она является, но и обеспечивать гарантии соблюдения прав человека. Несмотря на ограниченные возможности влияния международного режима прав человека на внутреннюю политику национальных государств, он внес свой вклад в либерализацию диктатур, препятствуя преступлениям против человечности, геноциду и военным преступлениям. В то же время он стал важным шагом по пути изменения устоявшегося понимания смысла государственного суверенитета, отвергая представления о том, что вопрос соблюдения прав человека — сугубо внутреннее дело государства.

Заметное влияние на расширение «третьей волны» демократизации оказали процессы культурной глобализации. Глобальный охват радио и телекоммуникационных сетей резко сузил возможности коммунистических, теократических и реакционных военных режимов проводить закрытую культурную политику, подвергая жесткому контролю поступающие извне идеи и информацию. Как подчеркивают Д. Хелд и его коллеги, «...для политики подобного типа современная культурная глобализация представляет самую большую угрозу» [1, с. 436]. Ограниченные возможности осуществлять информационный контроль способствовали нарастанию кризиса легитимности авторитарных и тоталитарных диктатур и их дальнейшей либерализации, за которой, как правило, следовали распространение

демократических ценностей в массовом общественном сознании и рост демократического политического участия. Таким образом, глобализация, действительно, запустила те процессы, которые стимулировали дестабилизацию диктатур и переход к демократии.

Очевидно, что современная эпоха радикально отличается от предшествующих исторических этапов с точки зрения расширения политического участия и распространения демократических политических институтов. Ушли в прошлое практически все абсолютные монархии, ликвидирована система колониализма, прекратили существование мобилизационные идеологические диктатуры и жестокие авторитарные режимы. Прогресс демократии в мире за последние более чем три десятилетия, на первый взгляд, также представляется неоспоримым. Так, по данным «Freedom House», с 1973 по 2010 г. число свободных стран выросло с 43 до 87, а их доля в мире составила 45%, число же несвободных сократилось с 69 до 47, составив 24% стран мира [6]. Именно в этой атмосфере «демократического оптимизма» и появился тезис Ф. Фукуямы о «конце истории» как неизбежной победе «всемирной либеральной революции». «Не приходится сомневаться, — писал он, — что рост либеральной демократии вместе с ее спутником, экономическим либерализмом, является самым удивительным политическим феноменом последних четырехсот лет» [7, с. 93]. Однако уже с середины 90-х гг. XX в. стали проявляться признаки спада демократической волны, выразившиеся в снижении темпов роста доли свободных стран и, что особенно показательно, в расширении к началу 2000-х гг. до 30% доли частично свободных стран. Опираясь на эти данные «Freedom House», известный транзитолог Л. Даймонд, отмечая явно поверхностный характер демократической волны, писал, что «...если абстрагироваться от некоторых достойных внимания исключений, общая тенденция развития последнего десятилетия, коснувшаяся, прежде всего, влиятельных в региональном масштабе стран, заключается в постепенном угасании свободы в электоральных демократиях» [8, с. 18]. Учитывая то, что рейтинги «Freedom House» демонстрируют только степень нормативного закрепления гражданских свобод и политических прав, оставляя за рамками внимания вопрос об их соблюдении правящими элитами на практике, можно предполагать, что к началу XXI в. процесс делиберализации «новых демократий» приобрел весьма широкие масштабы.

Такую ситуацию можно было бы определить как «демократический тупик», имея в виду попадание многих стран «третьей волны» в политическую «серую зону» между авторитаризмом и либеральной демократией. Для таких политических режимов, определяемых как «нелиберальная демократия», характерно то, что правительство на основе демократической конституции гарантирует проведение регулярных выборов, допускает ограниченную деятельность политической оппозиции, но не придает большого значения обеспечению гражданских свобод. Типичным для нелиберальных демократий является создание партийных систем с преобладанием пропрезидентской партии, сочетание многопартийной состязательности со слабым парламентом, низкий общественный спрос на свободу, политическое участие, направляемое правящими элитами в контролируемое ими русло формального электорализма, стремление избранных президентов продлить сроки пребывания на своем посту, низкий уровень массового политического доверия. За исключением бывших социалистических государств Восточной Европы, интеграция которых в Европейский Союз стала, по-видимому, основной причиной их удержания в русле либерально-демократического развития, нелиберальные демократии характерны для значительной части стран «третьей волны», представляя собой либо режимы безответственного плюрализма, либо режимы доминирующей партии. Если для первых характерна острая конкуренция оторванных от жизни общества элитных групп, борющихся за политический контроль над ресурсами, то для вторых — сосредоточение этого контроля в руках одной правящей группы, которой противостоит слабая оппозиция. И в том, и другом случае демократия представляет собой поверхностное явление. Как весьма точно заметил по этому поводу А. Пшеворский, «...люди регулярно получают возможность голосовать, но не выбирать» [9, с. 282].

На первый взгляд ситуация «демократического тупика» означает то, что для стран, оказавшихся в ней, консолидация демократии становится менее вероятной в ближайшей перспективе лишь в силу их разнообразных национальных особенностей. Однако масштабы этого политического феномена говорят о более долгосрочной тенденции, в основе которой лежат глобальные, а не национальные причины и факторы.

Оценивая в начале 90-х гг. XX в. итоги «третьей волны» демократизации, С. Хантингтон подчеркивал:

«...экономическое развитие делает демократию возможной; политическое руководство делает ее реальной» [10, с. 337]. Действительно, субъективный фактор играл существенную роль в развитии трансформационных процессов в демократизирующихся странах в конце XX в. С учетом этого обстоятельства, курс правящих элит большинства государств «третьей волны» на установление «нелиберальной демократии» может трактоваться как вынужденная реакция на вызовы экономической глобализации. Как известно, все «новые демократии» в той или иной мере вставали в начале своего пути перед сложным выбором: что обеспечивать в первую очередь — представительность или эффективность власти, ибо их предшественниками были не просто автократические, но и, как правило, экономически неэффективные режимы. Поэтому, осуществляя политику реформ, правительства поставоритарных и, особенно, посткоммунистических государств сосредоточились не только на политической демократизации, но и на экономической либерализации. Участие в глобальном разделении труда ради повышения конкурентоспособности национальных экономических систем и открытие национальных рынков для торговых и финансовых потоков в целях завоевания доверия инвесторов рассматривались многими пришедшими к власти реформаторами в качестве надежного средства стимуляции промышленного роста. В основу экономической политики большинства переходных обществ в той или иной степени были положены рекомендации Международного валютного фонда и Всемирного банка, которые известный американский журналист Т. Фридман остроумно назвал «золотой смирительной рубашкой», облачиться в которую вынуждены все участники экономической глобализации. Эти рекомендации, нашедшие выражение в так называемом Вашингтонском консенсусе, сводились к минимизации государственного субсидирования национальных предприятий, свертыванию социальных программ, борьбе с инфляцией за счет налоговой дисциплины, отказу от государственного вмешательства в финансовую сферу, приватизации государственных предприятий, либерализации внешней торговли, поощрению свободы иностранных капиталовложений. Одним словом, по мнению неолиберальных технократов, ликвидация любых трансакционных издержек являлась залогом экономического процветания. Очевидно, что столь жесткие условия участия в глобальной рыночной

экономике сужают пространство демократического разрешения политических конфликтов, возникающих на почве социально-экономических проблем. Ведь поддержание инвестиционной привлекательности за счет минимизации таких внутренних социальных издержек, как «гонка по нисходящей» неизбежно провоцирует рост протестной политической активности. Эффективный же контроль и ограничение последней возможны только в условиях «демократии низкой интенсивности». «Как только правила игры начинают диктоваться требованиями глобальной экономики, доступ отечественных групп к национальной экономической политике и их контроль над ней неизбежно оказываются ограниченными, — пишет, в частности, известный теоретик глобализации Д. Родрик и добавляет, — глобализация совместима с национальным государством, однако только за счет отказа от демократии» [11, с. 409, 410]. Конечно, нельзя полностью согласиться с тем, что включение стран с переходной экономикой в систему глобальных производственных и торгово-финансовых взаимодействий обрекает их на неизбежную авторизацию политических режимов. Тем не менее очевидно то, что в странах «новой демократии», находящихся на полупериферии и периферии глобальной экономической системы, курс на ограничение институционального предложения политической свободы может рассматриваться правящими элитами как фактор повышения конкурентоспособности национальных экономик. Так, по мнению Г.О. Доннелла, своим сдержанным отношением к расширению демократии в переходных обществах современные неолиберальные технократы напоминают собой прежних авторитаристов. «С их точки зрения, — отмечает этот известный транзитолог, — демократизация не является чем-то заслуживающим внимания: в настоящем она рассматривается как политическое минное поле, таящая в себе угрозу экономической рациональности» [12]. Таким образом, если для постиндустриальных обществ политическая дилемма глобализации — экономический рост или либеральная демократия — пока не приобрела сколько-нибудь заметной остроты, то в индустриальных и, тем более, в индустриализирующихся обществах, к которым относятся страны «третьей волны», она весьма актуальна.

Несомненно, ограниченное институциональное предложение политической свободы сыграло существенную роль в деле торможения процесса консо-

лидации «новых демократий». Однако эффективность действия данного фактора всегда определяется тем культурным контекстом, в котором осуществляется выработка политического курса. Поэтому пребывание большей части стран «третьей волны» в состоянии «нелиберальной демократии» следует рассматривать, прежде всего, как проявление низкого культурно обусловленного спроса на политическую свободу, сформировавшегося в поставторитарных и посткоммунистических обществах, как в силу особенностей исторического развития, так и во многом вследствие включения в процессы глобализации.

Как известно, внимание исследователей процессов демократизации рубежа XX–XXI вв. в значительной мере было привлечено к изучению проблемы культурной готовности обществ переходного типа к адекватному восприятию экономических и политических структурных преобразований. Существенный вклад в понимание причинно-следственной связи между массовыми ценностями и демократическими институтами внесли исследования американского социолога Р. Инглхарта, посвященные анализу культурных последствий экономического развития. Разработка концепции культурного сдвига, начатая Р. Инглхартом в 70-е гг. XX в., представляла попытку осмысления феномена стремительного роста в конце 60-х гг. протестных настроений и движений в молодежной среде европейских стран, прежде всего во Франции, Италии и ФРГ. Как известно, к этому времени страны Западной Европы уже благополучно преодолели последствия Второй мировой войны, не только восстановив разрушенную промышленность, но и заметно повысив уровень жизни большей части населения за счет последовательного проведения правительствами курса на развитие социально ориентированной рыночной экономики. Под влиянием этих экономических и социальных перемен, согласно концепции Р. Инглхарта, в 70-е гг. XX в. в западно-европейских странах произошла «тихая революция», когда в процессе смены поколений материалистические цели, сводящиеся к обеспечению экономической и физической защищенности индивида, стали постепенно вытесняться целями постматериалистическими, связанными с укреплением гарантий свободы самоопределения личности. Для обоснования этого предположения Р. Инглхарт выдвинул две основные гипотезы: «гипотезу дефицита» и «гипотезу социализации». Согласно первой, в условиях недо-

статка материальных ресурсов люди озабочены своим выживанием. По мере же достижения материального благополучия и, тем более, изобилия, когда возникает субъективное ощущение безопасности, они переключают свое внимание на самовыражение. В соответствии со второй — преодоление дефицита материальных ресурсов предполагает не автоматическое, а постепенное продвижение от ценностей выживания к ценностям самовыражения, так как основу социального поведения формируют все-таки базисные ценности, усвоенные в процессе социализации в детстве и юности. В историческом плане последовательное расширение в обществе доли носителей постматериалистических ценностей ведет к закреплению в массовом сознании приоритета гражданских свобод и политических прав, к стремлению граждан принять непосредственное участие в выработке политического курса, что, в свою очередь, способствует укреплению демократических институтов, способных гарантировать людям эти свободы и права.

Культурный сдвиг от ценностей выживания к ценностям самовыражения и последующие изменения политической культуры стали, по мнению Р. Инглхарта, результатом перехода общества к постиндустриальной фазе экономического развития, признаком которой является возрастание материальной, интеллектуальной и социальной автономии индивида. Как было показано выше, мощная система социального обеспечения государством всеобщего благосостояния, созданная в ходе становления постиндустриальной экономики, позволила человеку выдвинуть на первый план жизненные цели, непосредственно не связанные с его экономической и физической безопасностью. Вместе с тем постиндустриальный тип экономической системы, рождающий спрос на массового работника, способного к решению аналитических задач и самостоятельному принятию решений, способствовал росту числа индивидов независимых в своих суждениях и оценках. Наконец, стиль организации производства в постиндустриальной экономике наложил отпечаток на социальные отношения в виде изменения мотивов социальной солидарности, укрепления тенденции к диверсификации социальных контактов человека и преодоления им прежней групповой замкнутости. Действующие в совокупности эти три фактора формируют основу мировоззрения и поведения индивида, склонного к независимому и более критическому

восприятию институтов и норм социального контроля. «Этот процесс эмансипации, — подчеркивают Р. Инглхарт и К. Вельцель, — дает людям ощущение самостоятельности, в результате чего они начинают придавать большее значение свободе выбора и менее склонны безропотно подчиняться власти, авторитетам и догматическим «общепринятым истинам» [13, с. 52].

Акцент, сделанный исследователями на взаимосвязи материальной, интеллектуальной и социальной автономии индивида, имеет существенное значение для понимания успехов и провалов на пути демократизации. Так, достижение высокого уровня доходов населения за счет экспорта сырьевых ресурсов, что характерно в частности для нефтедобывающих стран арабского Востока, само по себе не может служить импульсом для распространения ценностей самовыражения как фактора, усиливающего спрос на политическую свободу. Разбогатев, эти государства остались авторитарными, ибо их экономика развивалась не по капиталистическому пути. В социальной области речь идет, прежде всего, о неразвитости предпринимательской буржуазии, класса, по природе своей ориентированного на разрушение традиционного политического порядка и создание государственной системы, способной защитить права собственности, свободу бизнеса и продажи рабочей силы. В то же время содержание населения за счет природной ренты препятствует развитию социальной индивидуализации, блокируя зарождение в сознании индивида ощущения личной независимости и порождая социально-политическую пассивность.

Однако стран-рантье, законсервировавших у себя традиционные социально-политические отношения, в современном мире очень мало. Большинство же государств являются индустриальными либо индустриализирующимися обществами. В связи с этим весьма важным, с точки зрения определения условий консолидации «новых демократий», представляется вывод Р. Инглхарта и К. Вельцеля о том, что «...индустриальная стадия модернизации приводит к секуляризации власти, а постиндустриальная стадия — к эмансипации от власти» [13, с. 46]. Действительно, результатом модернизации явилась секуляризация культуры, так как индустриализация, ослабившая зависимость человека от сил природы, способствовала не только существенному ограничению роли религии и церкви в общественной

жизни, но и росту популярности рационалистических представлений о социальной и политической организации общества. В то же время процесс социальной мобилизации стимулировал стремительное расширение политического участия. Однако, как известно из истории, открытие политических систем в ходе становления индустриального общества далеко не всегда заканчивалось переходом к демократическому режиму. Значительная часть стран, ускоренно продвинувшихся в XX в. к состоянию индустриальных обществ, вынуждена была использовать мобилизационный тип политического участия для поддержания стабильности авторитарной власти в условиях растущей массовой политической активности. «Тот факт, что индустриализация не приводит к утверждению этики эмансипации, — подчеркивают Р. Инглхарт и К. Вельцель, — позволяет объяснить отсутствие сильной и конкретной связи между индустриализацией и демократией» [13, с. 95]. Иными словами, массовый характер секулярно-рациональных ценностей сам по себе никогда не являлся предпосылкой последовательной демократизации.

Применяя методологию Р. Инглхарта в анализе политической эволюции стран «третьей волны», можно предположить, что добиться демократической консолидации удалось только тем из них, где в силу формирования достаточно широких групп носителей ценностей самовыражения спрос на политическую свободу все же превышал ее институциональное предложение. В странах же, где демократический переход осуществлялся в условиях доминирования в социальной структуре групп носителей ценностей выживания, а значит, и низкого спроса на политическую свободу, сложились нелиберальные демократии. Безусловно, существенное влияние на степень распространения в культуре общества ценностей самовыражения сыграл фактор историко-культурного наследия в виде религиозных традиций и характера предшествующего политического режима. Продолжает оставаться актуальным вывод М. Вебера о том, что некоторые мировые религии являются существенным препятствием на пути развития капитализма, для которого, как известно, характерно ослабление чувств коллективизма и усиление индивидуалистических настроений, близких по своей природе к ценностям самовыражения. Культурное наследие недемократических режимов также существенно различается. Для культуры посткоммунистических обществ характерно сочетание высоких

показателей секулярно-рациональных ценностей и ценностей выживания, как следствие имевшей место в прошлом идеологизации массового сознания, с одной стороны, и невысокого уровня жизни в условиях плановой экономики — с другой. Для культуры поставторитарных обществ, напротив, характерно сочетание средних показателей секулярно-рациональных ценностей и ценностей самовыражения как результат длительного продвижения по капиталистическому пути развития. Однако, при всей значимости фактора историко-культурного наследия, фаза экономического развития, достигнутая обществом, играет все же ведущую роль в формировании системы ценностей, благоприятствующей процессу консолидации демократии. «Культурные традиции общества оказывают куда большее влияние на измерение традиционных секулярно-рациональных ценностей, — констатируют Р. Инглхарт и К. Вельцель, — тогда как утверждение ценностей самовыражения в значительно большей степени обуславливается процессом модернизации» [13, с. 117].

Трудно спорить с тем, что глобализация, сопровождающаяся наращиванием открытости национальных экономик, активизацией торгового и финансового взаимодействия стран мира, значительно расширила возможности экономического роста. Тем не менее для большинства посткоммунистических и поставторитарных стран включение в глобальную экономику не стало мощным механизмом догоняющего развития. Поэтому большинство современных исследователей проблем глобализации склоняются к тому, что за последние полвека великое расхождение как разрыв между богатыми и бедными регионами мира не сократилось, а расширилось, достигнув беспрецедентных размеров. Если в 1960 г. он составлял 13:1, то в 1990 г. — 60:1. За этот период совокупный объем потребления вырос примерно в 6 раз, но 86% этого потребления приходилось на 1/5 мирового населения и соответственно только 14% — на 4/5 [14, с. 55]. Действительно, как показал период 80–90-х гг. XX в., только немногим государствам в Восточной и Юго-Восточной Азии удалось стать «новыми индустриальными странами», сократив разрыв с постиндустриальными обществами по уровню технологического оснащения промышленности и среднедушевых доходов. Ограниченная часть «новых демократий» сумела добиться некоторых социально-экономических успехов за счет развития

экспортного производства промышленных товаров, основанного на низкой стоимости рабочей силы, и занять свое место в группе индустриальных обществ. Но большинство стран «третьей волны», оставшись поставщиками преимущественно сырьевых товаров на мировой рынок, застряли на задворках глобальной экономики и не смогли преодолеть массовую бедность. Как отмечают, в частности, Д. Хелд и его коллеги, «...новое международное разделение труда усиливает поляризацию экономического благосостояния в глобальной экономике и порождает новые типы стратификации» [1, с. 203]. Таким образом, несмотря на то, что прежнее деление мира на промышленно развитый «Север» и отсталый «Юг» сегодня уступило место более сложной модели взаимодействия участников транснационального производства, можно утверждать, что в условиях глобализации продолжает сохраняться прежняя жесткая система экономической организации мирового сообщества — «центр — полупериферия — периферия».

Однако различия социальных результатов интеграции в глобальную экономику стран трех выделенных групп указывают на то, что их место в системе глобального разделения труда стало не только следствием имеющихся либо отсутствующих у них сравнительных преимуществ, но и результатом экономической стратегии правящих элит. Так, опыт восточноазиатских стран говорит о том, что экономический успех сопутствовал тем обществам, которые продуманно комбинировали рыночное и государственное регулирование, а не строго придерживались неолиберальных рекомендаций. Сосредоточившись на реструктуризации и диверсификации национальных экономик, заимствовании новейших достижений научно-технического прогресса и стимулировании частной предпринимательской инициативы, правительства этих государств, особенно на начальном этапе реформ, старались оградить свои технологически передовые отрасли от конкуренции со стороны импорта, не допуская в полной мере свободной трансграничной торговли. Тем самым они использовали преимущества глобализации как пространства свободного экономического взаимодействия для того, чтобы запустить механизм индустриального роста и покончить с сырьевым характером своих экономик. В свое время по такому пути прошла Япония, восстанавливавшая свою экономику после Второй мировой войны. Эту стратегию с 60-х гг.

XX в. использовали Южная Корея, Тайвань, Гонконг, Сингапур, Малайзия, Таиланд и Индонезия, ей следует современный Китай и некоторые другие азиатские страны. Те же государства, правительства которых сосредоточили свою внутреннюю экономическую политику исключительно на обеспечении благоприятного «инвестиционного климата», столкнулись, в конце концов, с тем, что конкуренция импортных товаров привела их экономики к деиндустриализации. Из позитивной силы, способной при разумной политике обеспечить устойчивый социально-экономический рост, глобализация в этих странах превратилась в средство консервации экономической отсталости и низких среднедушевых доходов. Как весьма точно заметил в связи с этим Д. Родрик, «...содействие глобализации подменило собой стратегию развития, из шанса, пригодного для стратегического использования, превратившись в самоцель» [11, с. 341]. К этому необходимо добавить, что избранная правительствами ряда стран, прежде всего латиноамериканских, стратегия импортозамещающей индустриализации, показавшая на начальном этапе впечатляющие результаты, в длительной перспективе также продемонстрировала свою неэффективность в плане обеспечения устойчивого экономического роста и повышения среднего уровня жизни.

Таким образом, глобализация, действительно, сыграла и продолжает играть весьма противоречивую роль в судьбе стран, включившихся в последней трети XX в. в «третью волну» демократизации. Результатом их втягивания в глобальное экономическое, политическое и культурное взаимодействие стало распространение секулярно-рациональных ценностей, повышение общественного интереса к политике и политическому участию. Именно благодаря этому воздействию глобализации, «третья волна» демократизации приобрела всемирный масштаб, захватив даже большинство тоталитарных обществ. В то же время глобализация стала существенным

препятствием на пути дальнейшей консолидации «новых демократий», ограничив возможности их выхода за пределы полупериферийного и периферийного экономического состояния и заблокировав, тем самым, рост числа носителей ценностей самовыражения как убежденных сторонников либеральной демократии. В связи с этим весьма показательным, что разочарование в демократии в связи с крушением надежд на то, что она принесет быстрый рост благосостояния, приобрело масштабный характер, прежде всего, в тех странах «третьей волны», где имел место наиболее низкий уровень распространения ценностей самовыражения. Преобладание же в общественном сознании ценностей выживания, проявившееся преимущественно в утилитарных мотивах поддержки молодых демократических режимов, сыграло основную роль в их стабилизации в качестве нелиберальных демократий.

Исходя из вышеизложенного, можно утверждать, что перспективы консолидации «новых демократий» в условиях глобализации прямо связаны с тем, насколько политика интеграции в глобальную экономику будет содействовать расширению спроса на политическую свободу за счет увеличения доли носителей ценностей самовыражения в социальной структуре стран «третьей волны». Как показала практика, успех в этом направлении сопутствовал тем государствам, политическое руководство которых рационально манипулировало правилами мировой экономической системы в интересах своих национальных производителей, сочетая финансово-экономическую открытость с продуманным протекционизмом. Однако следует признать, что идеология рыночного фундаментализма продолжает оставаться основой экономической политики большинства правящих элит стран современного мира. В этих условиях трудно рассчитывать на формирование в обществах переходного типа социокультурных предпосылок массового спроса на политическую свободу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хелд Д. Глобальные трансформации: политика, экономика, культура [Текст]. — М.: Праксис, 2004. 576 с.
2. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь [Текст]. — М.: Весь Мир, 2004.
3. Лунсем С. Политический человек: социальные основы политической жизни [Текст] // Теория и практика демократии. Избранные тексты. М.: Ладомир, 2006. 496 с.
4. Linz J. & Stepan A. Problems of democratic transition and consolidation: southern Europe, South America, and post-communist Europe. The Johns Hopkins Press Ltd., London, 1996. 479 p.

5. Пшеворский А. Экономическое развитие и политические режимы [Текст] / А. Пшеворский [и др.] // Теория и практика демократии. Избранные тексты. — М.: Ладомир, 2006. 496 с.
6. Freedom House [Электронный ресурс]. — URL: www.freedomhouse.org (дата обращения: 01.09.2015).
7. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек [Текст] / Ф. Фукуяма. — М.: ООО «Издательство АСТ: ЗАО НПП «Ермак», 2004. 588 с.
8. Даймонд Л. Прошла ли «третья волна» демократизации? [Текст] / Л. Даймонд // Политические исследования. 1999. № 1. С. 18.
9. Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке [Текст] / А. Пшеворский. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. 320 с.
10. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце 20 в. [Текст] / С. Хантингтон. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. 368 с.
11. Родрик Д. Парадокс глобализации: демократия и будущее мировой экономики [Текст] / Д. Родрик. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. 576 с.
12. Доннелл О. Следует ли слушаться экономистов? [Электронный ресурс]. — URL: www.russ.ru/journal/predely/97-11-11 (дата обращения: 01.09.2015).
13. Инглхарт Р. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития [Текст] / Р. Инглхарт, К. Вельцель. — М.: Новое издательство, 2011 464 с.
14. Глобальное сообщество: новая система координат [Текст]. — СПб.: Алетея, 2000. 314 с.

REFERENCES

1. Kheld D. *Global'nye transformatsii: Politika, ekonomika, kul'tura* [Global Transformation: Politics, economy, culture]. Moscow, Praxis Publ., 2004, 576 p.
2. Giddens E. *Uskol'zayushchiy mir: kak globalizatsiya menyaet nashu zhizn'* [Missing Peace: globalization is changing our lives]. Moscow, All The World Publ., 2004 p.
3. Lipset S. *Politicheskii chelovek: sotsial'nye osnovy politicheskoy zhizni* [The political man: the social basis of political life]. *Teoriya i praktika demokratii* [Theory and practice of democracy]. Moscow, Ladomir Publ., 2006. 496 p.
4. Linz J. & Stepan A. Problems of democratic transition and consolidation: southern Europe, South America, and post-communist Europe. The Johns Hopkins Press Ltd., London, 1996. 479 p.
5. Pshevorskiy A., Al'vares M., Cheyub A., Limondzhi F. *Ekonomicheskoe razvitie i politicheskie rezhimy* [Economic development and political regimes]. *Teoriya i praktika demokratii* [Theory and practice of democracy]. Moscow, Ladomir Publ., 2006. 496 p.
6. Freedom House Available at: www.freedomhouse.org (Accessed: 01.09.2015).
7. Fukuyama F. *Konets istorii i posledniy chelovek* [The End of History and the Last Man]. Moscow, ООО AST Publisher: ЗАО НПП «Ермак», 2004. 588 p.
8. Daymond L. *Proshla li «tret'ya volna» demokratizatsii?* [Have the “third wave” of democratization?]. *Politicheskie issledovaniya* [Political researches]. 1999. II. P.18.
9. Pshevorskiy A. *Demokratiya i rynek. Politicheskie i ekonomicheskie reformy v Vostochnoy Evrope i Latinskoy Amerike* [Democracy and the market. Political and economic reforms in Eastern Europe and Latin America]. Moscow, “Russian Political Encyclopedia” (ROSSPEN) Publ., 2000. 320 p.
10. Khantington S. *Tret'ya volna. Demokratizatsiya v kontse 20v.* [The Third Wave. Democratization in the late 20th century]. Moscow, “Russian Political Encyclopedia” (ROSSPEN) Publ., 2003. 368 p.
11. Rodrik D. *Paradoks globalizatsii: demokratiya i budushchee mirovoy ekonomiki* [The paradox of globalization: democracy and the future of the world economy] Moscow, Publishing House of the Gaidar Institute, 2014. 576 p.
12. O. Donnell *Sleduet li slushat'sya ekonomistov?* [Should we listen to the economists?] Available at: www.russ.ru/journal/predely/97-11-11 (Accessed: 01 September 2015)/
13. Ingkhardt R., Vel'tsel' K. *Modernizatsiya, kul'turnye izmeneniya i demokratiya. Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya* [Modernization, Cultural Change and Democracy. The sequence of human development] A new publishing house, 2011. 464 p.
14. *Global'noe soobshchestvo: novaya sistema koordinat* [The global community: a new coordinate system]. St. Petersburg, Aletheia Publ. 2000. 314 p.